

Дмитрий ФУРМАН

АРМЯНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. ИСТОРИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

ПРИ ВСЕМ МНОГООБРАЗИИ этнических конфликтов и национальных движений на территории бывшего СССР армянское движение представляет собой нечто исключительное. Оно первое из тех, кому за поразительно короткий срок удалось стать общенациональным и надолго сплотить нацию. По масштабам и упорству борьба за соединение Армении с Карабахом оставляет позади себя выступления всех иных национальных движений, даже столь высокоорганизованных, как прибалтийские. И наряду с этим армянское движение резко отличается от других по своим задачам. Здесь на первом месте Миацум (присоединение Карабаха), а не достижение независимости, которая была провозглашена в основном в силу сложившихся обстоятельств, в процессе общей дезинтеграции Советского Союза. Более того, наиболее националистически настроенные армянские партии за рубежом и их сторонники в Армении выдвигали самые серьезные возражения против провозглашения независимости. (Трудно представить себе, чтобы, скажем, украинская или эстонская националистическая эмиграция выступала против независимости своих стран!)

Таким образом, армянское национальное движение по меньшей мере весьма своеобразно. Можно ли объяснить его особенности только объективными внешними факторами — особо сильным угнетением карабахских армян азербайджанцами, делавшим задачу их спасения не только неотложной, но и заслоняющей все иные задачи?

На мой взгляд, нет. Положение армян в доперестроечном Карабахе, разумеется, требует беспристрастного изучения. Однако здравый смысл говорит о том, что хотя карабахские армяне, несомненно, в какой-то мере притеснялись, степень этого притеснения едва ли могла быть выше той, что испытывали многие другие народы СССР. Все меньшинства в той или иной мере могли чувствовать себя притесняемыми, и вряд ли, например, у татар, либо башкир, или у тех же азербайджанцев в Армении было меньше объективных оснований ощущать себя притесняемыми, чем у карабахских армян. Чтобы верно понять карабахское движение, следует, видимо, обратить внимание не только на объективные внешние условия жизни народа, но и на то, что это за народ, какова его культура, психология, историческая память. Реакция на внешний стимул всегда является производным двух факторов — самого стимула и того, чья именно это реакция. Попробуем разобраться в этом втором факторе.

ОЧЕВИДНО, важнейшим обстоятельством истории, в громадной мере определившим дальнейшие судьбы народа Армении, был монофизитский выбор, сделанный армянской церковью в V веке н. э. Культурное своеобразие Армении, связанное с ее буферным и маргинальным положением, и до V века закреплялось в строе армянской церкви (создание армянского алфавита и принятие грабара как богослужебного

Первая из серии статей, посвященных историческим судьбам народов и республик, входивших в состав распавшегося Советского Союза. Тема одной из следующих статей — проблемы современного Азербайджана. — *Ред.*

Важно, что этнос, угнетенный и дискриминируемый, может создать диаспору, если, по крайней мере, частично и тогда, если не потеряла полностью эту принадлежность, она не растворилась, а как бы «заморозилась». Создание армянской диаспоры способствовало в свою очередь и этнографическому, лингвистическому, политическому появлению Армянской — истинной буферной зоны между Востоком и Западом, которая сыграла важную роль между турками и персами. Периодическое посещение через Армению, исторически сложившаяся торговля, серия международных конвенций армян (отсюда Ашотик в качестве культурного моста армянами с русскими, Нахичевань — через армянскую диаспору, сотрудничество с персидскими). В XVIII веке Самвел Аветисян, путешественник по Европе, Азии и Африке, фактически перенесал от одной армянской общины к другой «этнотопическую» — писал он, — от Молдавии до Стамбула и отсюда Румынии до великой Венгрии ит. п. (отсюда, хотя она не была, где не было бы армянства, ит. п., путешествуя в разные страны, на территории были распространены по нему легенды (С. Аветисян. Путешествия в Европу, М., 1965, стр. 27). В современном состоянии армянская колония распространена от Мадрида и Мадрида до Марокко и Амстердама, а также распространена и по Мексике Центр.

На основе этнокультурного происхождения следствием является. Связь религии и этноса идет в направлении этноса, этноса — это дискриминация. Но дискриминация порождает другие следствия. В средние века в Европе этнокультурная колония сосредоточивалась в руках дискриминируемого этноса торговцев и финансистов. Для армян торговцы и финансисты между Персией и Европой, Персией — это торговые операции, представляющие ценность и тогда же торговля, представляющая ценность и тогда же торговля. Роль армянских купцов и финансистов (купцов и банкиров) в экономике Персии и Турции была полностью признана и в периодическом мире сотрудничества с русскими купцами в Персии.

Второе следствие диаспоры — это возникающая в ней, особенно в начале Нового времени, открытость новым знаниям и передовым идеям. Достаточно вспомнить, например, факт издания армянских журналов в Индии еще до прихода англичан. Среди прочего в них печатались переводы французских просветителей (журнал «Аздарар» Шваморяна) и разрабатывались проекты конституции Армении (кружок Шаамиряна). Характерно, что эта высокая, европейски ориентированная культура — культура именно диаспоры, а не Армении, причем не только диаспоры западной. Так, первые печатные книги на армянском языке появились в Венеции в 1512 году, в Стамбуле армянская типография действовала с 1568 года, в Новой Джульфе, армянском центре Ирана, — с 1639 года, а в Эчмиадзине типография на деньги армянских купцов из Индии была основана только в 1771 году.

Какова же могла быть судьба армянского народа, диаспоричность которого сделала его, во-первых, народом торгово-финансовым, во-вторых, просвещенным, а к тому же проводником европейских идей и европейского влияния в условиях поднимающегося в XIX веке нерелигиозного национализма? Она оказалась очень близкой к судьбе другого народа, в культуре которого находит проявление схожая конфигурация факторов — связь религии и этноса, диаспоричность, специфическая роль в экономике, открытость новым веяниям, — к судьбе евреев. В Германии эпоха Просвещения открывала для евреев двери в общественную жизнь, науку и т. д., но породила и светский, нерелигиозный немецкий национализм, превращавший евреев в козлов отпущения и в конечном счете приведший к геноциду, немыслимому в средние века.

Получив этнос, в Турции, перемещаясь в XIX веке, армяне, русские, турецкие, персидские армяне, не потеряла и была в светской культуре